

Первые чувства?

Дина
Артёмкина

Научусь летать с тобой

Дина Артёмкина
Научусь летать с тобой
Серия «Первые чувства.
Книги о любви»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74210601

Научусь летать с тобой. повесть: Махаон, Издательство АЗБУКА;

Москва; 2026

ISBN 978-5-389-34429-7

Аннотация

Юная балерина Агата переезжает в Екатеринбург. Ещё вчера она училась в ведущем балетном училище, а сегодня проваливает вступительные экзамены. И тогда судьба сводит её с Андреем. Он тоже когда-то грезил балетом, но выбрал программирование. Агата и Андрей разные, спорят по пустякам, но постепенно между ними рождается что-то большее, чем просто дружба. Андрей становится важной частью её жизни. С ним она расправляет плечи, с ним пробуждается танец на кончиках пальцев... Но хватит ли им смелости признаться в своих чувствах?

Содержание

Акт 1	7
Глава 1,	7
Глава 2,	14
Глава 3,	20
Глава 4,	26
Глава 5,	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дина Артёмкина

Научусь летать с тобой

© Дина Артёмкина, 2026

* * *

$$A + A = V$$

ПЕРВЫЕ ЧУВСТВА ♡

Дина
Артёмкина

Научусь летать с тобой

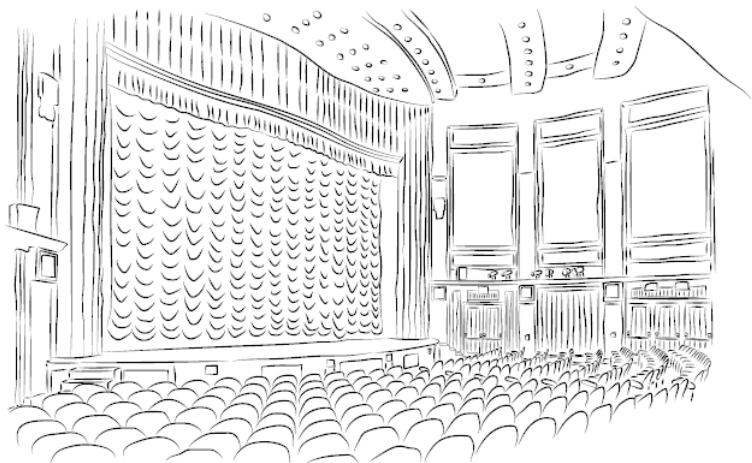
Мечта сгнить не
разрушила меня.
А ты слас.

«Махаон»
Москва

Акт 1

Новое место

Глава 1,

в которой дверь закрывается

– Спасибо, до свидания, – услышала я, закрывая тяжёлую деревянную дверь.

Члены комиссии склонились над бумажками, делая последние записи. Меня обступили девочки, ждавшие своей

очереди.

– Ну как? Что?

Я не ответила, пошла к маме, которая стояла у стены, под репродукциями Дега и портретами известных выпускников. В её глазах читался тот же вопрос.

– Не знаю. – Я пожала плечами. – Ноль эмоций. Как в телевизоре смотрели.

– А Анна Григорьевна?

– Попросила показать ассамблэ¹.

Мама протянула мне рюкзак.

– Переодевайся, и пойдём отмечать.

– Что отмечать? – Я приподняла бровь. – Результаты только завтра!

Но разве маму переубедишь? Если она вбила себе в голову, что я уже поступила, значит, надо отмечать. Впрочем, мы обе знали, что просмотр – просто формальность. Где это видно, чтобы Екатеринбургский колледж не взял девочку из Пермского училища? Даже если она, то есть я, звёзд с неба не хватала.

Через полчаса мы уже сидели в кафе неподалёку от колледжа. В круглой вазочке нежился крошечный букет: белая роза и несколько фиолетовых колючек, похожих на чертополох. В воде отражались солнечные лучи. Я сфотографировала композицию и поняла, что это моя первая фотка в Екате-

¹ Ассамблэ (*фр.* «собранный») – прыжок в классическом танце с выбрасыванием ноги вперёд, в сторону и назад под углом сорок пять градусов.

ринбурге: раньше было как-то не до них. За окном мелькали спешившие по делам люди. Летний ветер распахивал их куртки, ерошил волосы. Мама подняла кружку с кофе.

– Ну, с успешным просмотром!

Я подняла стакан навстречу маминой кружке, и, когда раздалось «дзынь», на столик выплеснулось немного лимонада – стакан был полон до краёв. Мама промокнула лужицу салфеткой, а я неожиданно почувствовала, как где-то глубоко заклокотали слёзы. Переволновалась, наверное.

– Приятного аппетита! – Официантка поставила передо мной овощной салат, а перед мамой тарелку с вафлями и мороженым.

Иногда официанты путались и подавали мне самое сытное и вкусное. Но здесь, в двух шагах от хореографического колледжа, всё было чётко. В случае ошибки их бы не поняли!

– Сфотографируйте нас, пожалуйста! – Мама подала официантке телефон. – Дочка сегодня была на просмотре.

– Здорово! – Официантка улыбнулась мне. – Надеюсь, успешно.

– Разумеется. – Мама уверенно кивнула.

Официантка сделала несколько кадров и убежала на кухню. А я почувствовала, как футболка прилипла к подмышкам.

– Если хочешь знать, было ужасно! – сказала я зло. – Я им не понравилась!

На последнем слоге голос сорвался на писк. Я станцева-

ла программу, отлично справилась, но лица членов приёмной комиссии остались такими же непроницаемыми. А потом началось:

– Подготовили ещё какую-нибудь вариацию?

– Почему вы ушли из Пермского училища?

– Какую оценку получили на экзамене? А кто был вашим педагогом по классике?

И Анна Григорьевна, которая на консультации уверяла маму, что «у девочки прекрасные данные», зверствовала больше остальных. Хорошо было в Перми. Там никто не сомневался в моих способностях. Да, я не блистала особыми талантами. Я танцую технично, но без эмоций. Зато усердия и трудолюбия мне не занимать!

– Не торопись с выводами. – Мама отхлебнула кофе. – Ай! Кто же такой горячий подаёт?

– Не надо было мне уезжать! – сказала я громче, чем рассчитывала, и женщина за соседним столиком вздрогнула и повернулась к нам.

– Агатик, ты же знаешь! Ну не могла ты остаться!

– Почему?

– Тебе тяжело было бы в интернате, сто раз обсуждали.

– Жила бы у Кати!

– У Кати. Ей сейчас прям до тебя! – Мама нетерпеливо махнула рукой, показывая, что разговор окончен, и снова отхлебнула кофе, будто забыла, что обожглась.

Когда папе предложили работу в Екате, у родителей и

мысли не возникло оставить меня доучиваться. До выпуска – целых четыре года. А перевестись из одного училища в другое – дело нехитрое. В нужном классе было вакантное место, и мама рассчитывала, что оно дожидается именно меня. Но когда в конце мая мы пришли в Екатеринбургский хореографический колледж с документами, оказалось, что нужно проходить просмотр на общих основаниях.

– Но мы из Перми, – мама значительно понизила голос.

– Значит, будет несложно поступить, – улыбнулась секретарь.

Входная дверь распахнулась, и в кафе стойкой длинношеих фламинго ворвались девочки. Волосы некоторых были собраны в шишки, у других распущены, но по горделивым осанкам и тонким рукам я узнала своих. Наверное, чуть старше меня, вчерашние девятиклассницы. Смеясь и переговариваясь, они заняли самый большой столик. В центре оказалась девушка со светлыми волосами и ямочкой на остром подбородке. Она повесила на спинку стула разноцветный рюкзак и, подперев щеку рукой, слушала соседку.

– Да ну, зачем им валить нас?

– Переведут, конечно, – донесли до нас обрывки разговора.

– А давайте вафель в честь каникул! – предложила девочка в белом джемпере.

– Ну, не знаю, – протянула светловолосая. – Как потом жирок сгонять будем?

– Юль, не душни! Два месяца впереди!

– Ага, конечно! – засмеялась её соседка. – Помните, прошлым летом я к бабушке на пару недель съездила? Пицца, булочки, пирожки – всё лучшее внучке. Возвращаюсь: плюс пять кило! Пять!

Она растопырила ладонь с аккуратными розовыми ноготками.

– С тебя как с гуся вода! – засмеялась светловолосая.

– Ага, с гуся! Я потом месяц на интервальном голодании сидела!

Мама помешивала кофе длинной ложечкой и тоже поглядывала на балерин. Заметив мой взгляд, она улыбнулась и кивнула, будто говоря: вот они какие, твои будущие подружки. И тут меня снова прошиб пот: показалось, что мама сейчас встанет, подойдёт к девочкам и начнёт расспрашивать их о колледже.

Нет, разумеется, мама этого не сделает. Она не совсем куку. Но мне вдруг захотелось оказаться как можно дальше от этих девочек, красивых и уверенных в себе будущих балерин. Ещё месяц назад я тоже сидела в кафе с одноклассницами и обсуждала интервальное голодание и экзамены. Да, повода волноваться не было: в Перми – сильнейшее училище, и в колледж меня, разумеется, возьмут. И откуда это тенькающее беспокойство, вообще непонятно.

– Ну что, домой? – Я резко поднялась со стула, и посуда на столике звякнула, а девчонки посмотрели на меня.

– Хорошо, – кивнула мама.

Глава 2, в которой я скучаю по банде

Макс: Ну и не парься, возьмут, куда денутся! *Смайлик с дьявольской рожицей*

Карина: Пусть только попробуют не взять!

Я: Спасибо, други! *Стикер с обнимающимися героями «Очень странных дел»*

Макс: Дураки будут, если откажутся!

Карина: База!

Я: Вы-то как?

Карина: Как обычно.

Макс: Я на даче. В бассейне отмокаю. Пока не началось: сынок, клубничка, сынок, малинка!

Карина: Ну-ну, мы уже обзавидовались! Да! Билеты на Дягилевский фест выложили. Мать набрала всего подряд.

Я: *Стикер с грустным котёнком*

Макс: Не приедешь всё-таки?

Я: Надо тут быть. Мало ли что.

Карина: Жалко. Да, свежие новости: Александрову из хоряги выставили!

Я: Выставили?

Макс: Отчислили.

Я: А чего так?

В чате повисла тишина. Я представила, как Макс и Карина

переглядываются, прежде чем ответить. Хотя, конечно, это невозможно: каждый чатился из своего дома. Наконец ребята отвисли – два сообщения пришли разом.

Макс: А когда ты её в последний раз видела?

Карина: Профнепригодна.

Я: В смысле?

Карина: Её ж раздуло, как бочку, за последний семестр.

Я: Вот засада!

Макс: Ну! Колбаска на ножках!

Карина: Макс! Фу-фу-фу быть таким!

Макс: Каким таким?

Карина: Не бодипозитивным. *Подмигивающий смайлик*

Макс: *Смайлик, которого тошнит*

Я: И что она будет делать?

Вот стоило только уехать, как у них что-то интересное! Заносчивая Александрова, которая всегда хвасталась тётей-балериной, вдруг превратилась в «небалетную» (так мы звали девочек, которым не повезло с фигурой), и никакая тётя не помогла!

Обсудив злоключения Александровой, мы попрощались. Я отложила планшет и вытянулась на кровати. В фиолетовых сумерках все предметы расплывались и принимали странные очертания, даже пальцы ног превратились в таинственный холмистый ландшафт.

Через приоткрытую форточку слышались удары мяча. Вот ведь не надоест кому-то играть! В Перми окно моей ком-

наты выходило на лесопарк. В Екате мы поселились в спальном районе недалеко от колледжа, и всё, на что мой взгляд мог рассчитывать, это площадка во дворе, да и то если хорошенько скосить глаза вниз – двенадцатый этаж всё-таки. Закат отражался в окнах соседней многоэтажки, а кусочек далёкого леса виднелся в узком прогале между домами.

Я сползла с кровати и подошла к окну. Нырнула за тюлевую занавеску, подставила лицо вечернему ветру. Несмотря на поддержку банды, я волновалась. Стоило только вспомнить постные лица приёмной комиссии. Может, они тут всегда такие, не знаю... Когда я поступала в училище в Перми, на меня смотрели совсем по-другому. Хвалили, подбадривали, улыбались. Правда, мне тогда было десять, и я подавала надежды. Может, сейчас и наши сидели бы, позёвывая, и ждали, когда я закончу?

– Эй, пасуй! – раздалось снизу, и я выпуталась из тюля.

Включила музыку, переоделась и пошла на коврик растягиваться.

* * *

Меня разбудил запах горячего шоколада. Горьковато-сладкий, он окутывал ощущением неги и праздника. Первой мыслью было то, что наступил мой день рождения. Но в следующую секунду я вспомнила, что до него ещё несколько месяцев. Значит, поводов для шоколада на завтрак всего два.

Первый. Я поступила, и мама решила отпраздновать это событие.

Второй. Я не поступила. Соответственно, мама хочет подсластить пилюлю.

Я заставила себя зайти в туалет и умыться, прежде чем отправиться на кухню. Мама пила кофе на балкончике и листала экран телефона. Заметив меня, она встала и едва не опрокинула столик (места на балконе хватило только для него и пары складных стульев).

– Проснулась? – спросила мама.

Я пожалала плечами: а то не видно...

– Результаты выложили, да?

– Ты только не волнуйся, – сказала мама дрожащим голосом.

Это ещё кто волнуется?

– Не прошла?

Она покачала головой и взмахнула руками, будто хотела дотянуться до меня через кухонный стол, но раздумала.

– Не волнуйся, Агат, – повторила она. – Мы что-нибудь придумаем.

– Что тут придумаешь?!

Мы переехали в уверенности, что меня возьмут за милую душу. И не было у нас никакого запасного плана. А теперь что? Проситься назад в Пермь? Совсем бросить балет? На кухне сделалось нестерпимо душно. Мама, видимо, заметила, что я побледнела. Кинулась к шкафчику с посудой, до-

стала мою любимую чашку и налила в неё горячий шоколад.

– Я тебе гренки приготовила. Будешь?

– Гренки? – Я закашлялась. – Нет, ты серьёзно?!

– Хотела порадовать, – растерялась мама. – Ты же любишь...

– И всё? Никакого балета?

Мама фыркнула, пытаясь подавить смех.

– Прости! Это нервное.

Через пару минут я уже уплетала божественные сливочные гренки и запивала их горячим шоколадом. На глаза наворачивались слёзы. Но на лице у мамы уже появилось деловитое выражение: значит, она знала, что делать.

Мама позвонила в колледж и договорилась с Анной Григорьевной, что та сегодня же примет её. Она просто не умеет долго унывать. Для неё любая сложность не проблема, а вызов, любопытная головоломка, которую нужно разгадать. Хотела бы я быть похожей на неё, а не опускать руки. От мамы мне достались медово-карие глаза, густые волосы и тонкая кость. Интересно, решимость тоже передаётся по наследству? Или над ней надо работать, как над растяжкой?

Глава 3, в которой я преследую Юлю

Когда мама, облачившись в лавандовый костюм, – в нём она выглядит одновременно женственно и по-деловому, – ушла в колледж, я тоже не смогла усидеть на месте. Делать классы после обильного завтрака не имело смысла. Я посмотрела несколько роликов в соцсетях, попыталась разобрать коробку с мелочами, но ни на чём не могла сосредоточиться. Мысли убегали во вчера, в просторный кабинет, где членам комиссии чего-то не хватило в моём выступлении.

Я вспоминала просмотр – от приветствия до поклона – и не находила ошибок. Видимо, их и не было. Просто моя проблема в том, что я бездарность и годы труда прошли напрасно. Рано или поздно это должны были заметить.

В конце концов я не выдержала, натянула джинсовые шорты и майку и вышла во двор. В ближайшей песочнице горланили два малыша. Солнце светило как в Перми – мощно и уверенно, моментально согревало затылок и открытые части тела. Но что-то было другим. Дома воздух напоён влагой Камы, а здесь сухой, будто иголочками впивается в ноздри.

– Би-бип! Би-бип!

На меня нёсся мальчишка лет пяти на самокате и, если бы я не отскочила с дорожки, наверняка сшиб бы.

– Эй! – крикнула я. – Осторожней!

Женщина с коляской на секунду оторвалась от телефона.

– Лёва! – сказала она равнодушно-сурово, и я подумала, что Лёве наверняка не хватает внимания.

Я пересекла двор, нырнула в прохладу арки и вышла на улицу. А дальше ноги сами понесли меня в сторону хореографического колледжа. Наверное, потому что я плохо ориентировалась в городе и не знала, куда ещё можно пойти.

Дверь колледжа то и дело распахивалась, выпуская абитуриентов. Я немного потопталась у входа и всё-таки решила зайти – слишком жарко было, чтобы ждать на улице. Охранник с седыми усами скользнул по мне взглядом, а затем снова уткнулся в свой журнал: видимо, принял за ученицу. Я подошла ближе к турникету и откашлялась.

– Здравствуйте! Могли бы вы меня пропустить? Я вчера...

– А пропуск где? – прищурился охранник.

– Я вчера была на просмотре...

Охранник махнул рукой на стену, где висел стенд с информацией. Ничего не оставалось, как подойти к списку избранных, в смысле отобранных. Под заголовком «9-й класс» значились две фамилии, и, разумеется, ни одна не была моей.

– Э-э-э... моя мама сейчас наверху, у Анны Григорьевны, – я сделала ещё одну попытку. – Хочу подняться и подождать...

– Много вас тут ходит. – Охранник уткнулся в журнал по-

сещений.

А потом пробормотал себе в усы: «Никакой фактуры, а всё туда же, в балерины метят». Я так удивилась, что хотела даже переспросить, что он сказал. Но вместо этого резко развернулась, толкнула дверь и чуть не сшибла вчерашнюю блондинку из кафе – кажется, Юлю. Она отшатнулась, пропуская меня. На секунду её лицо озарилось чем-то вроде интереса, мне показалось даже, будто она хочет заговорить со мной, но в следующую секунду она скрылась в вестибюле.

Стиснув зубы, я зашагала по улице. Таланта у меня, может, и маловато. Но о моей внешности так пренебрежительно ещё никто не высказывался! Наоборот, все подчёркивали тонкую кость и лёгкий шаг. И волосы у меня красивые: каштановые и очень густые, собрать в пучок – каждый раз проблема. У этого мужика глаз, что ли, нет? Или у них в Екате другие стандарты?! Я так злилась, что чуть не вылетела на дорогу на красный. Отчаянно сигналив, мимо пронеслась машина. Я вздрогнула. Ещё не хватало попасть под колёса из-за какого-то охранника! Наверное, мне вообще послышалось.

Я огляделась. Кажется, уже должна была подойти к дому, но знакомой арки видно не было. Высотки выглядели как близнецы, отличались только цветом: розовые, жёлтые, голубые – ну просто палитра жизнерадостного художника. Оказалось, я так кипела от возмущения, что проскочила свой квартал. Пришлось поворачивать назад и снова переходить дорогу.

Когда я вошла во двор, Лёва всё так же рассекал на самокате, его мама катала коляску и разговаривала по телефону. А на качелях, легонько раскачиваясь, сидела та самая блондинка. От неожиданности я встала, как солистка, забывшая партию. Заметив мой взгляд, она посмотрела на меня, и её лицо вытянулось.

– Ты меня преследуешь, да? – спросила блондинка, оставивая ногой качели и вынимая наушники.

Во рту пересохло, и единственное, на что меняхватило, это помотать головой.

– Я и не думала, что так популярна. – Она рассмеялась и стремительно встала с качелей. – Как я тебе в роли Авроры?

– Что?

– Ты на отчётном была, да?

– Я тут живу.

– Да? – Её лицо снова вытянулось, и я подумала, что, наверное, на сцене она лучше контролирует мимику, раз ей доверили танцевать Аврору в «Спящей красавице». – А-а-а! Вы на седьмой этаж недавно переехали? К вам фортепиано тащили!

– Угу.

– И я тебя где-то видела... Да?

– Вчера. В кафе с вафлями.

– Вот оно что.

По тому, как блондинка растягивала слова, я поняла, что она потеряла ко мне всякий интерес, и поспешила добавить:

– Я проходила просмотр. В девятый класс.

– Ну и как? – В серых глазах мелькнуло любопытство. – А, знаю! Видела списки. Они взяли какого-то парня и Аню Рогозину.

– Ты её знаешь? – Голос осип и едва слушался.

– Ну, так. По конкурсам. Наши любят таких, выступающих.

– В смысле?

Из песочницы раздались пронзительные крики. Блондинка сделала шаг ко мне и кивнула в сторону дома. Пока мы шли к подъезду, она сказала:

– Ну, Рогозина с детства занималась в «Феерите».

– В любительском коллективе? – опешила я.

– Угу. Но они выступают без конца. Конкурсы, концерты. И при прочих равных наши преподаватели выбирают вот таких, танцевальных.

– При прочих равных... – я попыталась вспомнить эту Рогозину.

Кажется, она танцевала передо мной. Уверенная такая девочка с родинкой на шее.

– Слушай, – блондинка протянула ко мне руку, будто хотела коснуться плеча, но зависла на полпути, – сейчас у меня дела. А вечером приходи, перетрём. Часов в восемь. Квартира сто двадцать шесть.

– Домой? – опешила я.

– Ну да. – Она засмеялась. – Не люблю эти все мессендже-

ры. Я Юля.

– Я знаю.

Серые глаза округлились.

– В смысле – слышала, – торопливо добавила я. – Агата.

Спасибо тебе, я приду!

Глава 4, в которой кое-кто считает, что я с улицы

Вот есть же люди, которые умеют спокойно ждать! Сидят себе на подоконнике и красят ногти. Или музыку слушают. Я вообще так не умею! С шести вечера только и делала, что глядела на часы. За ужином мама изложила свой план. Или план Анны Григорьевны, уж не знаю. Мама видела эту особу второй раз в жизни, но как-то сразу прониклась к ней доверием.

– В сентябре пойдёшь в обычную школу, заниматься будешь в частном порядке, нужно педагога искать. А через год снова поступать.

Папа завис, не донеся вилку до рта.

– Через год?

– А какие ещё варианты? – вздохнула мама. – Класс укомплектован. И бюджет, и платное.

– А что Анна Григорьевна сказала? – поинтересовалась я. Мама раздражённо дёрнула плечом.

– Ничего нового. «Хорошие данные, славная девочка». Но она убегала куда-то, толком не поговорили.

– Да уж... – Папа соорудил мне рожицу. – Вот уж не думал, что так выйдет, Агат.

Я еле сдерживалась, чтобы не разреветься. Совсем не так представляла себе переезд. Индивидуальные занятия – это куда ни шло. Но идти в обычную школу? Я же сначалки там не была и вообще не представляю, что в школах творится.

– Давайте обратно в Пермь? – сказала я и строго посмотрела на родителей, чтобы они не подумали, что я шучу.

Они грустно уткнулись в свои тарелки. Да уж, новая работа, новая квартира, ипотека... Тоже новая. Никуда они не поедут... В общем, единственное, что меня как-то поддерживало весь этот ужин, – предстоящий разговор с Юлей. Казалось, что она предложит какой-то вариант, возможность, которую мы с мамой упустили. Наверняка она знает что-то, чего не знаем мы, и готова поделиться инсайдерской информацией, иначе на стала бы звать меня в гости. Вообще, странно, конечно, приглашать домой незнакомого человека. Я бы не решилась. Но, может, у них в Екатеринбурге так принято?

За несколько минут до выхода я натянула рваные джинсы и белую футболку с надписью «Ангелочек», прихватила миску черешни и вышла в подъезд. Юлина квартира располагалась напротив нашей, двумя этажами ниже.

На двери висел пасхальный венок с нежной зеленью и игрушечными цыплятами – такими хорошенькими, что я не удержалась и погладила по жёлтому пуху. Позвонила. В квартире долго было тихо, и я начала сомневаться, верно ли запомнила номер. Наконец дверь распахнулась: на пороге стоял парень с короткими светлыми волосами. Он прищу-

рился, как делают близорукие люди, и сделал шаг назад.

– Ты к Юльче? Заходи.

Я огляделась в поисках полки или тумбы, куда можно было поставить ягоды, но все поверхности в прихожей были завалены шёлковыми платками, флаконами с парфюмерией и другими вещами. Нда, а по виду и не скажешь, что эта Юля такая барахольщица. Заметив мою растерянность, парень взял у меня миску и понёс на кухню.

– Юль, к тебе пришли! – крикнул он.

Я зависла в прихожей, ожидая, что вот-вот одна из дверей откроется и оттуда вынырнет Юля. Но секунды бежали одна за другой, и ничего не происходило. В коридоре, где я зависла, было сумрачно. На бордовых стенах блестели золотые иероглифы. Где-то в глубине квартиры позвякивали колокольчики музыки ветра. В воздухе плыл аромат благовоний, будто я оказалась не в современной квартире, а в лавке с индийскими товарами.

Так и не дождавшись Юли, я разулась и пошла за парнем. Любопытно! Наша кухня казалась огромной и светлой, а здесь вся рабочая поверхность была заставлена посудой и разными приборами. На полках громоздились стеклянные баночки со специями. На стене – ножи, половники и другие непонятные штуки. Терракотовые шторы добавляли скученности и уюта.

Близорукий парень налил чай в маленькую пиалу, кажется, ручной работы. Миска с черешней уже красовалась в цен-

тре стола. Рядом с ней – деревянное блюдо с кусочками халвы.

– Не выходит? – спросил он, обернувшись ко мне.

– Что? – не поняла я.

– Юльча. Не выходит?

– А, – засмеялась я. – Нет.

– Юль! – снова крикнул парень. – Ну ты где?

– Сейчас! – раздалось из-за стенки.

Парень соорудил гримасу и кивнул на пиалу с чаем. Как только я села за стол, он, ни слова не говоря, вышел из кухни. Я отхлебнула глоток чая – кажется, это был марокканский, зелёный с мятой. А через несколько секунд услышала за стеной его голос и Юлин смех. Потом голоса сделались громче – похоже, они спорили.

– Давай помогу! – предлагал он.

– Ну плиз, Андрей! – просила она.

– С чего я должен твою подругу развлекать?

– Да не подруга она мне!

– Тем более.

Я отодвинула пиалу. Действительно, не подруга. Но почему-то слова Юли обожгли меня. Зачем вообще нужно было приглашать меня?! Но, едва я встала из-за стола, парень снова нарисовался в проёме. Теперь на нём были очки в чёрной оправе из пластика. Не удивлюсь, если переработанного, – всё здесь было какое-то эко.

– Слушай, Юля просит прощения! У неё там какая-то ава-

рия.

– Авария?

– Ну, что-то с волосами, – поморщился парень. – Подожди чуток.

– Знаешь, вовсе не обязательно меня развлекать! – Я вздёрнула подбородок и хотела выйти из кухни, но он загордил проход.

Подцепил кусочек халвы, отправил его в рот и сказал:

– Да ладно, не кипятись! Ты про колледж пришла узнать? Можешь у меня спросить.

За окном блеснуло предзакатное солнце. Над крышами с цвирканьем носились стрижи.

– Спросить? Э-э-э... Юля обещала...

Я растерялась. А что она мне обещала? Просто предложила зайти и поболтать о просмотре. А теперь отправила ко мне своего парня. Ситуация складывалась слегка сюрреалистическая. Видимо, на лице у меня было такое недоумение, что парень решил помочь:

– Ты по конкурсу не прошла?

– Угу.

– Слушай ну, это вообще не редкость. – Он плюхнулся на соседний стул и налил себе чай. – Бешеный конкурс. С улицы вообще не попасть.

– Почему это с улицы? – вспыхнула я. – Я в Пермском четыре года отучилась! Ничего себе улица!

На его лице мелькнуло удивление. Но я продолжала бу-

шевать:

– Между прочим, наша хоряга гораздо старше вашей! И престижнее! Наши выпускники во всех театрах!.. В Мариинку с руками и ногами!.. Знаешь, сколько у нас иностранных студентов?! Из Монголии, Венесуэлы, Японии! Для Монголии и Таджикистана это вообще государственной важности проекты, за них здесь...

Он замахал растопыренной пятернёй, словно выбрасывая белый флаг.

– Ладно-ладно, сорри! То, что после Пермского не взяли, это уже странно.

Из меня будто весь пар выпустили.

– Вот именно, – кивнула я. – Об этом и речь. А ты шаришь в балете, что ли?

– С таким-то анамнезом, – усмехнулся он. – Ещё бы не шарить.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, девушку-балерину? Но тут на кухню влетела Юля. Какая-то взлохмаченная.

Глава 5, в которой я допускаю кошмарную оплошность

На Юле был белый сарафан из жатого хлопка и балетки со стразами – тоже белые. Она стремительно обогнула стол и села у окна.

– Прости, плиз! – Она сложила ладони в извиняющемся жесте, а потом повернулась к Андрею. – Ну всё, можешь возвращаться к компьютеру.

– Спасибо. – Он не двинулся с места. – Волосы спасены?

– Да блин, Андрей! Можешь не напоминать?

Юля нервно коснулась светлых прядей.

– Фен волосы зажевал, – пояснила она мне. – Я уж думала, обрезать придётся!

На несколько мгновений на кухне сделалось тихо. Из коридора донёсся перезвон музыки ветра. Юля выхватила из миски пару черешен и внимательно на нас посмотрела.

– Вы хоть познакомились? Агата – Андрей, Андрей – Агата.

Я деловито кивнула, Андрей коротко улыбнулся и взъерошил волосы.

– Агата? – переспросил он. – Ни разу такого имени не слышал.

– Да ладно! – усмехнулась Юля. – «Зайку бросила хозяйка, под дождём остался зайка!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.